

ЮЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Второй листъ

къ № 2452

Воскресенье, 28-го марта 1904 года.

къ № 2452

У преддверия Иерусалима.

(Изъ личинъ воспоминаний).

— Terra sancta! — кричали католики — пилигримы, когда гребцы арабы доставляли наст, въ плоскодонной лодкѣ, къ берегу Яффы. И они подали на колени и цѣловали омытую волнами Средиземного моря землю. Я смотрѣлъ на нихъ и въ мозгѣ моихъ вѣроятнѣй вставали картины крестовыхъ походовъ. Въ наступающихъ сумеркахъ весь берегъ казался усыпаннымъ крестоносцами, я слышалъ лязгъ мечей и шумъ морского прибоя словно приносить съ собой грязный ропотъ. И особенно грустныи, въ багровомъ отблескѣ умирающаго солнца, пальмы, чудилось, дополняли эту картину. Порывъ морского вѣтра вывѣль меня изъ задумчивости, разсѣять мои сонсы.

Я вышелъ на прибрежную улицу. Изъ за поворота ехала глуко донесли шумъ волнъ. Тамъ и сямъ мелькали стройныи фигуры полудиныхъ арабовъ, ихъ хищные, черные глаза пронизывали толпу, точно глаза коршуновъ, выматривающихъ добчу.

Какой-то негръ привѣтливо улыбнулся мнѣ своими бѣлыми, сѣющими зубами...

Море ходило и темнѣло сго синева. Въ лобъ вспыхивали, и загорались огнями молчаніи вѣзды. Набѣгалъ вечеръ и шевелились своими темными одеждами, прикрывая ими узки, крутые узины и закоулки грязного азиатскаго города. И вѣсъ онъ, съ полузаинами въ гору, нагроможденными другъ на друга, зданиями загадочно игралъ множествомъ огней и казалось вѣтъ, вѣтъ рухметъ въ море.

Гдѣ-то играла музыка, и въ воздухѣ, токсиконы вились унылые звуки арабскихъ народий.

Я наткнулся на мечеть, тамъ, принадающую землю, молились арабы и турки и дико зевали мулла. Въ полуумракѣ сумрачно бѣлые фонтаны и на камни ихъ падали водяныи струи. Я заглянулъ внутрь мечети, она походила на огроменный клочокъ азиатской пустыни.

Въ настѣнномъ вѣтеркѣ чувствовалось дыханіе моря, въ воздухѣ разносились пригорюнѣя запаховъ восточныхъ духовъ. Какой-то арабъ замѣтилъ меня неизѣрого и съ мнѣніемъ меѣть и глаза его вспыхнули; но я уже уходилъ, уноси въ душѣ тоску.

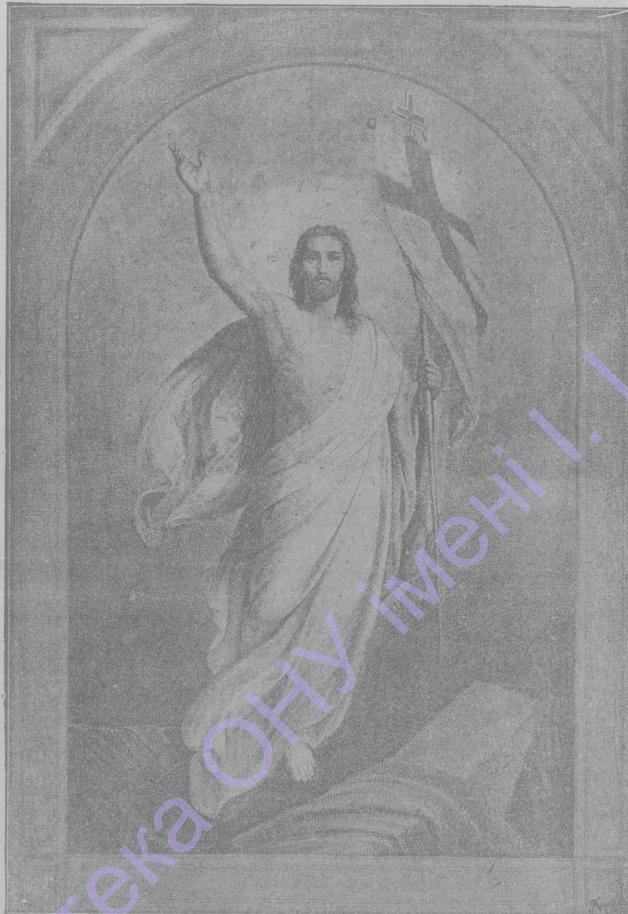
Вечеръ плылъ настѣнѣ ночи. И всюду, куда я вѣтъ арабовъ и туровъ и изображеній полуумѣщца на пожелѣвшемъ мраморѣ полуразрушенныхъ фонтановъ и мавзолеевъ. И посреди этихъ унылыхъ сѣдовъ ислама, подъ отдаленныйвой шакаловъ, и ощущалъ въ души мучительную жутъ.

Культурная жизнь казалась мнѣ давно минувшимъ сномъ. Я вспоминалъ нарохъ, который привезъ мнѣ сюда и видѣлъ его течеръ посреди моря, обѣнявшаго холодными морскими вѣтрами. Этотъ нарохъ словно увозилъ отъ меня частину моей души, ту частину, которая озаряла ее теплымъ свѣтломъ надежды.

Нетомъ, когда настала ночь, каждый застукался гаишъ на моей черной пастыре, и бѣлые минареты поднялись изъ тьмы, точно грязные призраки вонючей мечами...

Ужасъ обилья меня, тоскливыи страхи передъ этой ночью, точно неожиданно застѣгшей меня въ этомъ дикомъ краю. Меня пугала эта мечеть, одна зловѣще сѣжившаяся во мракѣ, и я бѣжалъ отъ неї. А за мнѣй въ необъятномъ просторѣ неслое холодное море и шумъ его воли глухо звалъ меня.

Сѣть фонари блѣдной тѣнью дрожала на большихъ воротахъ каменнаго дома и будто симаши обнять ихъ, а они подражаніемъ сурою чѣрнѣли. Я прочиталъ надъ воротами надпись: „Hospicio de terra sancta“ и разнѣхъ верху колокола. Маленько окойничко и потекло и въ него выплыло упитанное лицо францисканскаго монаха.

Христосъ Воскресе!

— Усталый путникъ, отворите, — отчаянно закричалъ я.

Увы, оконко захлопнулось...

Я уходилъ за городъ. Навстрѣчу мнѣ тихошла карараванъ. Монотонно звучалъ въ ночной тиши тошнотворный погоницковъ-арабъ. Впереди упоздала шеесская дорога изъ Иерусалима. Справа — отъ дороги тянулись аифеекъ сады. Изъ густой чащи изыдила залахъ, помаранчевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Въ воздухѣ словно рѣвали и пилили легкія, дунствиши волны. Верхушки деревьевъ чуть колыхались въ меланхолической задумчивости и въ глубинѣ ихъ проносился таинственный шопотъ. Тоска въ душѣ уединилась, ее смысла тихая, чащающая сердце грусть. Она, эта грусть, уносила сердце далеко-далеко, за этотъ шелестъ листьевъ, за эту почную тьму, почную тишину...

Тамъ, где-то, въ прекрасномъ, невѣдомомъ далекъ ему грезилось что-то дивно хорошее, блеснувшее, какъ яркий лучъ, который вот-вотъ исчезнетъ...

Они, эти облака, медленно свѣтѣли и покрывались кроткими голубоватыми цѣтомъ. И чудилось, бѣлые, лесные глаза скорбно глядѣли оттуль, съ высоты и машили они усталую душу, суля ей блаженство неземного покоя...

Съ обѣихъ сторонъ потянулись за мнѣ запыленные кактусы и уныло повисли ихъ иглистые листья.

Воздухъ все болѣе холода. Въ далѣкихъ кустахъ затрясились сверчки. Впереди темнѣла пустыня и надъ ней летали едва уловимыи звуки...

Она съ волнистымъ спокойствіемъ привѣла мнѣ и я торжественно ступалъ по ней, прислушиваясь къ шуму своихъ шаговъ, шелесту своего плаща. Душа поднималась легко и свободно и тихо замѣрила, обѣнявшиа этой тишиной, усыпляемая этимъ ровнымъ необычайнымъ, словно упавшимъ въ величавыи думы просторомъ...

А тамъ, вдали уже, чутко вырисовывались окутанныя воздушной воленой горы Ивана и надъ ихъ высотами замерили свѣтлолиловыи и блѣдно золотистыи облака...

Они, эти облака, медленно свѣтѣли и покрывались кроткими голубоватыми цѣтомъ. И чудилось, бѣлые, лесные глаза скорбно глядѣли оттуль, съ высоты и машили они усталую душу, суля ей блаженство неземного покоя...

Я прибрѣгъ къ одиночко стоявшему францисканскому монастырю и усталый отъ дол-

гой ходьбы постучалъ въ его двери. Онъ не скоро отворились, но быстро захлопнулись.

И тутъ-же, у монастырскихъ стѣнъ, я легъ на сырую, холодную землю и прислонилъ голову къ стволу оливковаго дерева.

Я долго не могъ заснуть подъ теразией душу вонъ изкалывалъ.

Временами мнѣ казалось, что они близко подходятъ ко мнѣ и эта первая тьма родила ихъ...

Солнце золотило и усыпало изумрудами небо, когда я проснулся. И при скѣтѣ солнечнаго сїянія пустыня позади, казалось, саркастически смыкалась, какъ смыкаются обаженные члѣсти скелета. А вдали чуть вихрились горы Ивана...

A. Ловенгардтъ.

Сказка о принцессѣ, которая не могла плакать.

(Съ иѣменскаго).

Рудольфа Баумаха.

Сказка о принцессѣ, которая никогда не смыкалась, всѣмъ известна, но, читатель, пакърное не знаете сказки о принцессѣ, которая не могла плакать. Послушайте же ее.

Были однажды король и королева; у нихъ родилась дочь. Дѣвочка была красавица, чѣмъ обыкновенно бывають королевскія дочери.

Дѣти плакали, не переставая, и ночь. Мамаша ребенка разнервничалась быть таѣго прику, еслибы въ то время первы были известны. Докторъ прописалъ дійные рецепты и давалъ маленькой принцессѣ массу неизуемыхъ лѣкарствъ. Она отъ этого пискалье не успокоилась и продолжала кричать день и ночь.

На правой сторонѣ замка была высокая стариинная башня. Въ этой башнѣ жила бѣзобразная старуха, колдунья. Кто же королева поднялась по винтовой лѣстнице къ колдунье и стала умолять ее помочь ей горю.

— Вѣчными слезами ребенокъ не даютъ намъ покоя ни днемъ, ни ночью, не знаешь ли ты какого-нибудь средства, чтобы выѣхѣть. Весь дворъ въ отчаяніи.

Старуха обѣцдала выѣхѣть маленькую принцессу.

Въ полночь, она отправилась въ лѣсъ и вернулась съ полной королиной какихъ-то диковинъ травъ.

Она передала ихъ утромъ рано королевѣ и вѣдѣла спасти/ихъ и выкупать плахимъ ребенка въ иѣтъ отварь. Не успѣла окунуть ребенка въ ванну, какъ онъ сразу успокоился. Дѣвочка стала крѣпкой, какъ барашекъ. Королева, обрадованная, дала колдунье полную пригоршни зѣлоты.

Нѣсколько недѣль спустя, по приказанію короля, два жандарма явились въ башню, где жила колдунья, надѣли ей кандалы на руки и унесли ее въ тюрьму.

Ее волнистая наложка и лѣзныя травы были сожжены во дворѣ колесоваго замка.

— Такъ ей и слѣдуетъ говорить народъ: Ей лѣкарство было слишкомъ сильное.

Дѣйствительно, королевская дочь, послѣ зѣчненія, не могла совсѣмъ заплакать.

— Это очень непрѣятно, — сказалъ при дворный астрологъ. — Она вѣдѣ современемъ будеѣ королевы, а королева должна плакать въ торжественныхъ случаѣахъ, когда этого требуетъ церемоніалъ; если она не заплакаетъ, когда слѣдуетъ, то народъ сечетъ ее безсрочно.

Король призвалъ докторовъ со всего королевства. Они явились съ пиломѣнами, мицстурами, порошками, но ничего не помогало; дочь короля не могла плакать.

— Я заставилъ ее пролить слезы, — сказали главный церемоніймейстеръ, — успокойтесь, ваше величество!

Баронъ Розенъ,
бывшій русскій посланникъ въ Японіи.

Какъ-то, утромъ, маленькая принцесса сидѣла на скамеекѣ, окруженнай книгами, картиками, игрушками. Истопникъ вошелъ къ ней въ комнату въ большихъ сапогахъ и раздѣлилъ ногами любимую восковую куклу принцессы. Камеристка съ негодованиемъ кинулась на него и вытолкнула его изъ комнаты. Но принцесса не пролила ни единой слезинки; она сказала, улыбаясь:

— Папа дастъ мѣтъ другую куклу, которая будетъ красивѣе этой, уберите всѣ эти єбломки.

Церемоніймейстеръ, опечаленный своей неудачей, вышелъ изъ дворца, опустивъ голову. Онъ зналъ, что ему грозила немилость.

Годышли за годами. Принцесса выросла и стала извѣстной во всѣхъ соѣдніихъ королевствахъ своей неописанной красотой, но покрежему она никогда не плакала.

Король назначилъ въ награду тысячу золотыхъ монетъ тому, кто заставитъ ее заплакать. Но золото оставалось въ кассѣ казнѣчей; никто не заслужилъ награды, назначавшейся королемъ.

Когда принцесса минуло пятнадцать лѣтъ, ее повели въ первый разъ въ театръ.

Придворный поэтъ разсчитывалъ на усѣхъ драмы, которую специально написалъ для этого торжественнаго случая и былъ уверенъ, что принцесса, слушая ее, расплачется.

Драма была очень сложная: семь человѣкъ умирали на сценѣ, при многочисленныхъ свидѣтельяхъ, отъ кинжаловъ и яда.

Когда семь труповъ лежали на сценѣ съ четырнадцатью подношами, обращенными къ зрителямъ, дочь короля, къ ужасу поэта, громко расхохоталась. Ея примеръ послѣдовали всѣ придворные, а за ними и вся публика. Одинъ только присутствующий горько заплакалъ—придворный поэтъ, мечтавший заработать тысячу золотыхъ. Послѣ этой неудачи онъ рѣшился перестать писать стихи и сталъ злобными сатирикомъ.

Итакъ, принцесса и послѣ кровавой драмы не пролила ни одной слезы.

Настало для принцессы истинное горе. Добрая королева внезапно склонилась и черезъ три дня отдала Богу душу. Въ столице, въ соѣдніихъ деревняхъ и въ городахъ разливались слезы, всѣ оплакивали бѣдную королеву, которую нарѣзали лѣбѣдью.

— Ну, теперь ужъ она заплачетъ, говорилъ народъ, окружая замокъ. Вѣдь она вѣжливо любила свою мать, вѣдь это знаютъ.

Но принцесса сказала спокойными голосомъ:

— Мать находится въ великолѣпномъ саду, ей тамъ лучше, чѣмъ здѣсь съ нами, и не проронила ни одной слезы.

Прошло еще пѣсколько лѣтъ. Король какъ-то отправился на охоту со всѣмъ своимъ дворомъ и посѣнился на время въ хоронинскомъ павильонѣ среди лѣса. Его дочь-красавица сопровождала его. Она всегда зѣдила съ пинь на своемъ чистокровномъ конѣ; волосы ея развязывались по вѣтру, глаза блестѣли; на рукахъ ея сидѣлъ соколь. Король долженъ быть на слѣдующій день отправиться на дикаго кабана. Охота эта опасна для южныхъ созданій, какъ женщины; принцесса осталась дома. Во всѣмъ лѣсу раздавалась звукъ охотничихъ рожковъ, лай собакъ, громкіе всходы охотничихъ ковъ.

Принцесса вышла въ садъ, окружавшій

королевский павильонъ; ароматъ розъ, ландышъ и фіалокъ наполнялъ воздухъ; но ей стало скучно въ саду, она открыла калитку и вышла въ лѣсъ. Елки и сосны напоминали старинныиѣ пѣсни, птички весело пѣбетали, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку.

Прелестная дочь короля бродила по лѣсу, наслаждаясь ароматомъ душистыхъ лѣсныхъ цветовъ, она скользила, какъ фея, ей пышные русые волосы окружали ея румяное лицо, точно преображеніе; но въ лѣсномъ уединеніи некому было любоваться красавицей; только цветочки улыбались ей и вѣтки, колеблемые легкимъ вѣтеркомъ, напоминали ей пѣсни. Вдругъ, между кустами жимолости показалась какой-то болѣй вѣтъ—наибрѣнное это лапы! подумала дѣвушка; охотники говорили, что вчера она побѣжалась по направлению къ нашему саду, но —нѣтъ, оказалось, что это была бѣленка, какъ только что выскакившая изъ сѣти, лошадка съ чудными черными глазами и роскошной белой гривой. Лошадка подошла къ принцессѣ и взяла кусокъ пирога, который молодая дѣвушка еї пропитала.

— Откуда ты, лошадка? спросила дочь короля. Гдѣ твой домъ? Лошадка, конечно, не могла отвѣтить, но она подняла головку и стала передней ногой бить землю.

— Не хочешь ли покатать меня? спросила принцесса и, не ожидая отвѣта, прыгнула на спину лошадки, которая побѣжалась рысцей, потряхивая гривой. И побѣжала долго по лѣсу, они выбѣгали изъ чащи; передъ ними разстилась зеленая лужайка, среди которой стояла охотничья избушка. Передъ входной дверью были прибиты громадные олени рога. Подъ тѣнью липы сидѣла на скамейкѣ молодой человѣкъ: капитанъ охотниковъ склонилъ ею лицо, на головѣ у не-

этотъ разъ показалась ему мрачной и одинокой.

На слѣдующее утро король снова отправился на охоту. Кажъ только отецъ ея удалился, принцесса вѣдѣла привести себѣ чужого коня, который простоялъ всю ночь въ сеняхъ конюшни. Она достала изъ своей шкатулки красивое коралловое ожерелье и наѣдала его на гибкую шею лошадки, которая весело заржалась.

Принцесса, уѣхавши на спину лошадки, вслѣдъ запѣла:

— У меня быстрый конь—который знаетъ только одинъ путь, путь къ моему замку, стоящему среди лѣсной чащи. Въ лѣсу вѣтъ гѣзды и жаворонокъ и соколь—райдомъ со скромной фіазкой ростѣ красный макъ—вѣнь жесть жить и лань и сера и тотъ....

— Кто ихъ убиваетъ! прибавила она, вслѣдъ улыбаясь.

Потрепавъ коня по гибкой шейкѣ, она ему сказала:

— Ты самъ знаешь дорогу!—вѣзи мея.

Конекъ, какъ бы въ отвѣтъ, тряхнулъ гривой и побѣжалъ рѣсью по темному лѣсу.

Снова молодая принцесса сѣла на скамейку, подъ липой, рядомъ съ молодымъ охотникомъ. Она взяла едъ блѣду, пѣжную ручку, въ свою загорѣвшую руку и стала смотрѣть ей въ глаза.

День проѣздѣть какъ волшебный мигъ.

Когда насталь вечеръ, они печально проѣстись....

Конь стоялъ, ожидая молодую принцессу—на верху гдѣ то въ вѣткахъ, почнала итица громко расхохоталась...

— Ели бы я была лѣсникомъ! сказала молодой человѣкъ, шагая по мокрому муху на слѣдующее утро. Еслибы я былъ королевскимъ лѣсникомъ! прибавила онъ, вздыхая.

Лейтенантъ Е. И. Криницкій,

командиръ миноносца „Сильный“, раненъ въ руку и не покинувший своего поста во время атаки японцевъ 14-го марта.

— И ни то, ни другое! отвѣтила принцесса, громко расхохотавшись. Я дочь короля.

— Ты... дочь... короля?? перепросилъ охотникъ, дрожа вѣсь тѣломъ. Простите меня, что я осмѣлился прійтъ къ вамъ въ царскія коромы! простите мнѣ мою смѣлость! я уйду куда глаза глядятъ. Но Боже, отчего вы не простите камеристку! какъ это печально, промолвила юноша и крупными слезами потекли по его блѣднымъ щекамъ.

— Прости! да сохранитъ тебя Господь, прибавилъ онъ, задыхаясь отъ слезъ. Ты королевская дочь... а я...

— Да, жаль, что я дочь короля! промолвила молодая дѣвушка, слезы полились изъ глазъ, она молча кинулась на шею молодому охотнику и положила голову ему на плечо.

Нажъ, подслушавшій ихъ разговоръ за дверью, побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ королю и закричалъ прерывающимися отъ волненія голосомъ:

— Ваше величество, принцесса плачетъ!! Король вскочилъ и, взявъ пажа за руку, закричалъ: Какъ это случилось? ну, говори! говори же, негодный мальчишка! отчего она плачетъ?

Она плачетъ о томъ, что она дочь короля. Пожалуйте, ваше величество, взгляните сами на это чудо! человѣкъ, который заставилъ ее плакать, стоять къ залѣ.

Король взялъ тяжелую шкатулку, отдалъ ее пажу и отправилъ къ дочери въ сопровожденіи пажа.

Онъ очень обрадовался, когда увидѣлъ слезы дочери, но ему не особенно понравилось, что она погрѣла на щекѣ охотника.

Подъ сюда, закричалъ онъ молодому человѣкѣ, получи свою награду и убирайся. Она открыла шкатулку, наполненную золотомъ, и вѣзъ охотнику держать платокъ, но молодой человѣкъ печально покачалъ головой и сказалъ:

— Мѣдъ не нужно вишихъ денегъ, я уже получила награду тамъ въ лѣсу, подъ тѣнью липы. Я буду счастливъ всю жизнь вспоминая о тѣхъ блаженныиѣ дниахъ.

Король разгнѣвавшись закричалъ:

— Негодный мальчишка! я тебѣ вѣло срубить голову! какъ ты смѣлъ поднять глаза на королевскую dochу! Ты заинчиченъ, дѣтка моя, когда я вѣло казнить его?

— Нѣтъ,

я не буду

долго

плакать,

отвѣтила

молодая дѣвушка, сѣвъ съ головы

маленькой золотой кинжалъ, я посыпала

зѣды въ ту страну, где пѣтъ королей,

короли имѣть

власть надъ жизнью

и смертью людей.

— Ну, отвѣтило, сказала ей, взявшись за розовѣе ѿчко и ласково улыбаясь. Бери ее, прибавилъ онъ, ты заставилъ ее пролить первыя слезы! любите другъ друга!, прибавилъ онъ взволнованыиѣ голосомъ и, обнявъ ихъ обѣихъ, расплакалась. Смотря на нихъ, и паж и попутай громко зарыдали.

Скульпторъ и пастушекъ.

Сказка. Съ немецкаго.

С. Рудольфа Баумбаха.

У подножья крутыи горы, гдѣ росли живописи, сирены и бузина, стояла старая груша. Неподалеку отъ неї изъ скалы вытекала маленькая струйка воды; пробираясь между камнями, она текла по зеленой травѣ

Генералъ-лейтенантъ Надаровъ,
начальникъ обороны Приморской области.

го была надѣта мягкая шляпа, съ большими перомъ.

Онъ всталъ и пошелъ на встрѣчу моло-

дѣй дѣвушки:

— Кого ты мнѣ привѣтъ, мой болѣй лѣ-

бѣдъ? спросилъ онъ лошадку, трепая ее по

глобѣшко.

Въ обрености около охотниччьи избушки не было такой красивой дѣвушки съ сѣтчатыми волосами и голубыми глазами, какъ у незнакомки, ручки у неї были блѣдны, южны, нѣжны маленьки; нѣтъ! это была крестьянка съ соѣдніихъ деревень; вѣроятно, это одна изъ придворныхъ каме-

ристокъ принцессы! Молодой человѣкъ по-

могъ ей сѣти съ коня и, усадивъ ее въ тѣнѣ липы, пристѣснѣлъ ей молока, хлѣба и мѣду; онъ не могъ оторвать глазъ отъ неї и радовалась, смотря, съ какимъ удовольствиемъ онаѣ бѣднѣйший, лѣсной мѣдъ, весело улы-

басъ.

Молодые люди просидѣли до вечера въ

тѣнѣ липы и весело болтали, какъ два ста-

вѣрь прѣдѣлъ.

Наконецъ, когда стали спускаться на землю тѣни высокихъ елей и сосенъ, молодой охотникъ позвалъ болѣй коня. Усадилъ на него незнакомку онъ спро-

силъ ей:

— Ты живешь въ королевскомъ павильонѣ,

не правда ли?

— Да, отвѣтила она, улыбаясь.

Указавъ ей дорогу, охотникъ низко поклонился и вѣзъ на скамьику, чтобы проводить ее глазами. Наконецъ, на поворотѣ, она повернула свою блѣдную шею и въ по-

следний разъ кинула ей головой, тогда

молодой человѣкъ сѣзъ со скамейки и пе-

чально побѣжалъ въ свою хатку, которая на-

ходилась въ садѣ.

Молодая камеристка жестомъ указала

на дверь пажу, который, опустивъ голову,

отправился въ смѣшную комнату, откуда все

было слышно.

Молодой человѣкъ робко сѣлъ на кончикъ

дивана и, опустивъ голову, сказалъ дрожа-

щимъ отъ волненія голосомъ:

— Простите, вы должно быть фрейлина,

и я принесъ васъ за камеристку принцессы.

к и изливалась в прохладный ручеек, пересекающий долину. Въ этомъ ручейкѣ играли форелі, переливались на солнцѣ всеми цветами радуги.

Подъ грушей часто сиживалъ старый скульпторъ; онъ вырывалъ изъ орехового дерева ручныхъ и дикихъ звѣрей и продавалъ ихъ въ собственность городка. Иногда, въ поденъ, маленький пастушекъ приходилъ и усаживался около старого Петра (такъ звали скульптора); цѣлыми часами онъ слѣдалъ за ловкими движеньями пальцевъ старика, который быстро превращалъ кусокъ дерева въ лошадку, коровку. Мальчишка забывалъ о своемъ стадѣ, слушая старика, который рассказывалъ древній легенды, время шло, иногда спускались сумерки, а онъ все сидѣлъ въ тѣни груши и не замѣчалъ, какъ солнце скрывалось за горой.

Однажды пастушекъ увидѣлъ, что старикъ затягивалъ большую работу. Онъ хотѣлъ изобразить Спасителя на крестѣ. Главная фигура была окончена, оставались еще двѣ боковыя, надъ которыми трудился старикъ. Постепенно каждый день работа подвигалась, и, наконецъ съ каждой стороны Христа стояли апостолы Петръ и Навель. Когда все было окончено, старикъ повѣсили группу на дерево и подъ ней сѣдалъ сѣдующую надпись: «Помините о несчастныхъ и обездоленныхъ!». Нелегко далась старику эта группа, онъ надѣлъ ей проработать не сколько недѣлъ! но и молодой пастушекъ не сидѣлъ сложа руки; онъ облизывалъ ручеекъ камнями и песочкомъ, расширилъ отверстіе, изъ котораго вода теперь шла очень тонкой струйкой; теперь странникъ могъ нагнуться ичерпать воды, не замочивъ себѣ ногъ, но это стоило мальчику большого труда; никто не поблагодарилъ его за его стараніе но съ какой радостью онъ сѣдѣлъ за утомленными странниками, которые со слажденіемъ или чистотой, стущеную воду и бросалъ имъ того, кто по-думалъ обѣ алчущихъ; иногда путешественники бросали монетку въ кружику, повѣшенную на деревѣ, но мальчикъ этихъ денегъ никогда не видѣлъ: каждую субботу приходилъ старикъ и забиралъ ихъ, не удѣливъ мальчику ни одной мѣдной монетки. Какъ то старый Петръ и пастушекъ Гансъ сидѣли по обыкновенію подъ деревомъ; было яркій юнійскій день, лучи яркаго солнца играли въ прозрачныхъ водахъ ручеекъ, птицы перелетали съ вѣтки на вѣтку. Козы, скрывающіеся въ лѣсной чащѣ, цианили младые листики съ деревьевъ. Старикъ и пастухъ, истомленные зноемъ, дремали, слегка покачивая головами.

— Посмотри, дѣдушка, сказаълъ мальчикъ, встрепенувшись, смотри: какъ намъ приближается два человѣка, какія у нихъ сѣтѣмы одѣянія, какое сіяніе окружаетъ ихъ головы!

— Глупый мальчикъ! какое тамъ сіяніе, тебя осѣплюютъ лучи солнца! проворчалъ старикъ и снова задремалъ. Пастушка тоже клонило ко сну, онъ еще разъ взглянулъ на странныхъ путниковъ, его отяжелѣвшія очи закрылись, головка опустилась на грудь онъ сладко заснулся.

По лугу, дѣйствительно, ялы два человѣка, въ длинныхъ широкихъ одѣяніяхъ, какія носятъ священники.

— Господи! стояла одинъ изъ нихъ, вытирая рукавомъ потъ, выступивший на лбу, Господи, отчего Ты можешь не оставить дома? Путешествие по землѣ не по силамъ такому старику какъ я. Ахъ! когда и снова попаду къ себѣ, на свою скамейку, у воротъ, где такъ прохладно. Еслибы у меня была такая обувь на ногахъ, какую носятъ крестьяне, а то, въ сандальяхъ, положительно не по силамъ ходить! это хорошо на берегахъ Гардана, но здесь, по каменистымъ склонамъ горы ходить невозможно; солнце испещило палитъ, жажды мучитъ меня, языкъ положительно прилипъ къ горлѣ. Господи, сѣдалъ такъ, чтобы изъ камней былъ ручей! я умираю отъ жажды.

— Подожди Петръ, имѣй терпѣніе, сказаълъ ему его Спутникъ, который былъ на цѣлую голову выше Петра; Его темно-русые кудри спускались на плечи, улыбка играла на Его устахъ, кроткѣе голубые глаза были устремлены вдали.

Тамъ, по ту сторону дороги, снятъ два человѣка, въ тѣни груши, около нихъ струится ручеекъ, прибавилъ Онъ, положивъ руку Петру на плечо.

Спутники неспешно направились къ ручееку. Наконецъ, они подошли къ сияющимъ лицамъ, около которыхъ весело журчалъ ручеекъ.

Старикъ нагнулся и съ жадностью сталъ

Лейтенантъ Л. В. Вахтинъ,
кончавший въ Портъ-Артурѣ на Золотомъ горѣ.

пить студеную воду. Тотъ, которого онъ называлъ Господомъ, тоже утолилъ Свою жажду.

Петръ, осѣжившись, сталъ осматривать мѣстность.

— Смотри, Господи,—закричалъ онъ, указывая на распятіе, висѣвшее на деревѣ. Посмотри! Люди чтутъ Тебя и служатъ Тебѣ! они вырвали на деревѣ Твоё изображеніе, а направо, съ мечемъ въ рукахъ, видишь, это я, сомнѣній нетъ, что это я!

Господь указалъ на скульптора, сладко спавшаго подъ грушей, и сказалъ:

— Вотъ это сѣдалъ Распятіе, а маленький мальчикъ занялся скромнымъ дѣломъ: онъ вырѣзъ ручеекъ, который утолилъ нашу жажду. Даруй старику, что пожелашь, а я награжу мальчика.

— Аминь!—сказаълъ Петръ, наклонивъ

М. А. Жукова,
вынесшая знамя во время бомбардировки изъ разрушенного дома во Владивостокѣ.

Японская газета.

Ознакомившись съ японскимъ толстымъ журналомъ, сотрудникъ «Руси» попросилъ своего собесѣдника, ученаго японца, познакомить его подробно съ японской газетой.

— Если такъ жива и подвижна, такъ отзывчивы и демократичны японская журнальная пресса, то какова должна быть газетная пресса...

— Она обогнала въ этомъ отношеніи даже американская печать. Да вотъ, вы сами увидите. Произнамотимъ эту номеръ «Дзи-Дзи», такъ же, какъ третьяго дня анатомировали «Солдатъ».

Мы разложили громадный номеръ въ 20 страницъ газетного формата. Лиць при томъ колоссальнъмъ распространеніи, какое имѣть «Дзи-Дзи», можно продавать

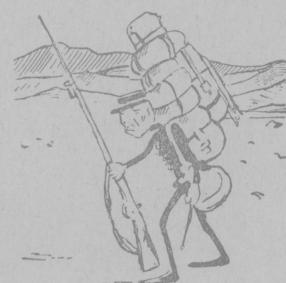
Гошикито Гарунамайя,
японскій наследникъ принца.

голову, и, говоря это, онъ вытащилъ изъ кармана своей блѣдой одежды золотой ключъ. Молча онъ дотронулъся этимъ ключомъ до сучковатой пальцы старика, которая моментально превратилась въ слитокъ золота.

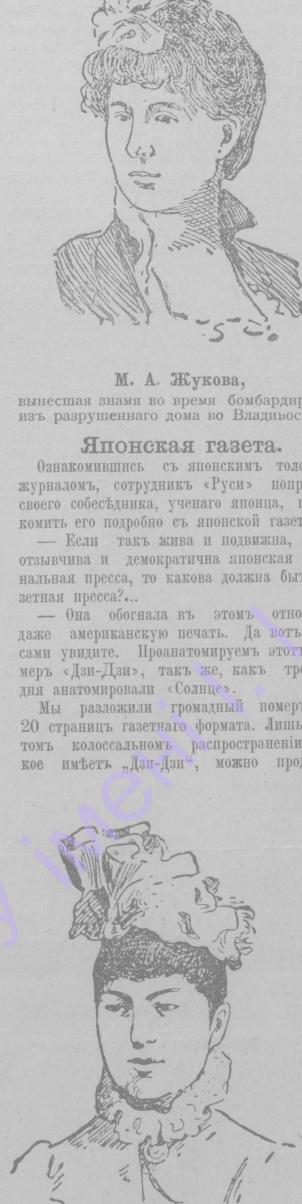
Господь наклонился надъ заснувшимъ пастушкомъ и дунулъ ему въ лицо; затѣмъ, сѣдавъ знакъ старику, чтобы онъ за нимъ сѣдовалъ, направился къ лѣсу.

— Что Ты даровалъ мальчику?—спросилъ Петръ, смотря съ изумленіемъ на своего Спутника.

— Я благословилъ его, отвѣтѣлъ кротко Господь. И укрѣпилъ въ немъ стремление дѣлать добро.

Японія тяжело подъ бременемъ цивилизациі.

Садано-Фудшивара,
супруга японскаго наследника принца.

здесь море древесной бумаги за 2 конѣкія. Даже дешевле—съ доставкой въ годъ газета стоитъ 5 р. 60 коп., а въ мѣсяцъ—50 коп.

А распространеніе ея въ мирное время превышало 500,000 экземпляровъ, теперь же, въ военное время, приближается къ миллиононному номеру въ день.

— Да и не мудрено, что газета чутъ не на 50% повысila свой тиражъ. Вотъ вы увидите, что, за 2—3 дня до начала военныхъ дѣйствій, она сумѣла подать правительству японскому благороднѣйшихъ соѣтствій, и всѣ они были принятія. Это очень подняло престижъ газеты. Да и во время войны она ведетъ себя въ высшей степени корректно, не подѣливается подъ тонъ правительственныхъ сообщеній, а даетъ министрамъ соѣтствія и указанія, словно редакторъ ея Фукузава—самъ министръ, или членъ тайного совѣтства. Фукузава, указывая правительству его промахи, однако, не допускаетъ такой вольности въ обращеніи, какъ «Ирокко». Редакторъ послѣдней, членъ парламента нижней палаты Акіма, дошелъ до того, что его пришло упрятать въ тюрьму, а газету его закрыли. Онъ въ своей газетѣ такъ откровенно раскрылъ передъ лицомъ всего міра военную тактику японцевъ, что военный министръ возмутился. Статьи «Ирокко» и тоже запрещенная книга «Гибель Россіи» выдали иностранцамъ военную тайну Японіи... Министру приш

лось поневолѣ измѣнить тактику, обдумавъ имъ раньше.

Впрочемъ, не однѣ личныя заслуги редактора «Дзи-Дзи», имъ и прочее положеніе газетѣ даѣтъ отънынѣшнаго редактора Фукузава, личность выдающаяся и роль, которую ему присвоила сыгравшія исторіе европеизаціи Японіи.

Однако, приступимъ къ анализу газеты. Въ первомъ листѣ (какъ и книги, газеты листуютъ справа налево), где въ верхнемъ правомъ углу, скобу, приводится название газеты. Среди массы объявлений одно совсѣмъ затерялось, это заглавіе. Да и напечатано оно ничуть не отчетливо, чѣмъ весь остальной номеръ.—сбитый шрифтъ, тусклая краска и скроватая изнѣгоподобная бумага не дѣлаютъ вѣнчаності «Дзи-Дзи» заманчивой.

Но тѣсткость вѣнчаності облица вполнѣ объяснимы и оправданы. Напечатать 1,000,000 оттисковъ съ одного набора, хотя бы и съ японскими стереотипами—задача не легкая,—поневолѣ прийти себѣется и краска померкнѣетъ.

Итакъ, прежде всего бросяются въ глаза обложка. О нихъ и поговоримъ.

Въ Японіи—крикливая, сутильная, блеющая на рекламу, жизнь. Вотъ почему, несмотря на дорогоизвѣстіе обложки, купцы не скрываютъ ма вихъ. На первой страницѣ платить по 50 коп., на остальныхъ—по 25 коп. за строку, вдвое короче нашей.

О чёмъ только не объявляютъ!

Вотъ объявление о канатахъ для желудка, которымъ приводить въ игривое расположение духа.

Вѣдь изъ Японіи понимаютъ, что это за «канаты». Это скабрезныя карточки, до которыхъ такъ падки японцы, а въ особенности иностранцы—путешественники.

Вотъ въ черныхъ траурныхъ рамкахъ вы думаете «покойники»?... Нѣтъ, это адреса достойныхъ вниманія гейшъ.

Вотъ этотъ столбецъ цѣлькомъ занятъ объявлениями въ одну строку:

«28 лѣтъ, безъ денегъ, умѣю торговатъ, хочу жениться, не старше 22 лѣтъ. Условіе въ редакціи».

«Товарищи рекомендуютъ такого-то, привличного молодого человѣка, 27 лѣтъ, желающаго жениться. Предложенія и фотографіи присыпать по сѣдѣющему адресу».

«Хочу жениться въ первыхъ числахъ ноября. Имѣю атtestатъ отъ торговой фірмы... и т. д.

Зато объявления о кухаркахъ отсутствуютъ. Для нихъ и дженерикѣ та же высока.

А вотъ это—театральный объявленіе. Написаны они въ рекламно-зазывающемся тонѣ, какъ у настѣнной оперетки.

«Большой успѣхъ! Безпрерывный смѣхъ. Съ куплетами, пародіями, имитациами! Ново! Оригинально!»

Особенно рекламируются передѣланіи для сцены романъ Марка Твена «Принцъ и ницці».

Много объявленій, начинающихся словами: «На случай войны»...

Вѣдь передъ нами лежитъ номеръ, который вышелъ за 4 дня до начала военныхъ дѣйствій.

На первой страницѣ пустое отъ объявлений мѣсто заполняется мелкими прописанными корреспонденціями, чтобы не отвлекать отъ объявленія.

Дальше идетъ «передовая статья».

Въ виду авторитетно доказываемаго, что въ виду серьезности наступающаго момента, нужно поступиться личными самолѣбіями и сплотиться въ организацию, безупречно стойкую и стойкую. Въ эта организаціи «сѣчомъ» быть бы вѣнчаності министръ финансовъ гр. Иноуэ. Для этого времени это вполнѣ порядочный министръ. Порохъ онъ не выдумаетъ, но для мирнаго времени и не нуженъ порохъ. Для военнаго же времени онъ прямо вреденъ со своею нерѣшительностью и медленностью. Необходимо его смѣнить на этого постъ. Порохъ и на мѣсто постъ графа Матсуката Вриль ли на надѣжныхъ рукахъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Необходимо отдать этотъ постъ маркизу Ито.

«Если мой соѣтъ примутъ, я могу сказатьъ, что народъ согласенъ на войну—заканчиваетъ статью передвижникъ.

И что же?...

Мы знаемъ, что оба соѣтъ эти узаконяютъ.

Правда, у гр. Иноуэ не отнять постъ министра финансовъ, но надѣяния поставлены въ роли сверхъ министра графа

матукута, назначенный членом тайного совета по финансовым делам.

Как не подивиться такому могуществу прессы!

«Затмь, идеть статья «Парламентские выборы», где критикуются кандидаты из провинции.

«Затмь—«Четвертая годовщина смерти Фукузавы», отца редактора.

Его заслуги велики. Он первый заговорил о необходимости введений в Японии европейского образования, первый подверг жестокой критике устон китайской цивилизации, первым основал европейское программу училище, превратившееся со временем в первый частный университет, дашин Иопонь больше знаменитых ученых и государственных деятелей, чьи вклады в науки и общественные дела известны. Его заслуги и при жизни были оценены, молодежь боготворила его, а макадо предложил ему титул графа. Но Фукузава отклонил почеты.

Затмь, идеть роман из морской жизни, с иллюстрациями в тексте и крикливые бульварные заголовки вроде «Морской четверть».

Роман-фельтона тянется по целину году, по мере развития интриги, прикрепляемой к газете подписчика.

Телеграммы. Собственные корреспонденты телеграфируют лишь из Лондона, Нью-Йорка. Бомбей и из японских провинций. Преобладают телеграммы агентства Рейтера.

Следующий отдель — Политическая хроника.

Затмь, «Аудиенция у Макадо».

Статья «Мистерия восхождения судов русской и японской эскадр».

«Чума на Формозе» (треум умерло, пятеро захоронено).

Извещение министерства путей сообщения о защите иностранных отправителей посыпало пифрованные телеграммы.

«Безпорядки в Корее».

Отдель общецесной хроники открывается статьей по поводу колоссального скандала, разыгрывающегося недавно в министерстве народного просвещения.

По закону, из Иопонь для каждого учебного округа (а там что ни город, то округ) учебники и учебные пособия рекомендуются и одобряются губернаторами. В школах и гимназиях не могут быть в употреблении иных книг, кроме попавших в губернаторский список данной местности.

Случайно, в одном округе, открылось, что губернатор ввел в свой учебный круг учебники истории прямо позорный, во взаимности и по архивности. Прозападные слайды оказались, что они взяты сочинителями визу.

Его посадили в тюрьму. Но на суде он выявил, что «всё верту».

Произведенная внезапная ревизия действительно посыпала на скамью подсудимых до 500 человек губернаторов и инспекторов по учебной части, уличенных, что за взятки они начинали головы школьников такими учебниками, перед которыми историей Иловайского и географией Смирнова — съезжий розы и благородных фальш.

Теперь из всей этой компании 50 человекиков уже отсидели в тюрьме и за матиши штрафы.

В этой статье «Дзи-Дзи» критикуется новый список учебников, который составил сам министр народного просвещения.

Достается и учебникам и... самому министру!...

Дальше статья о городском самоуправлении.

В думу выбираются из 3 года. Ценза почти не требуется. Да и не мудрено. Всё ложе для того, чтобы попасть в парламент, достаточно прожить год на одном месте и заплатить 10 рублей государственного налога.

Вот коротенькая параллель: «Кассуга» и «Ниссин» и «Ослабя» и «Дмитрий Донской».

На мой вопрос, что означают по-русски названия главнейших японских боевых фузилей, Такаки отвечал:

— Большинство из них носят имена в честь родины. На японском языке существует восемь слов для наименования нашей родины. Каждый у вас всего три — Московия, Русь и Россия... Название Сикидзима, Акидзима (остров стрекоз), Ишида (всеми островов), Фусо (страна тута), Ямато, Иопонь (по китайскому произношение-

нию Ионьт) — все это в разное историческое время значило то, что теперь Иопония (страна восходящего Солнца, или буквально «Колыбель Солнца»). И все эти названия носят наши броненосцы и крейсеры.

«Ниссин» или «Кассуга» называны в честь родоначальников японского флота. Это было 41 год тому назад. Враждующие феодальные князья Кизин и Садума прибрели себе два голландских канонерки, тонут по 300 — не больше и называли их «Ниссин» и «Кассуга».

Когда 37 лет тому назад разразилась революция, суда эти из частных рук перешли в руки нынешнего макадо Муцухито. Они и составили основу японского флота, к которому в том же году макадо прикупил еще 6 судов, по 300 тонн.

Память «Ниссин» и «Кассуга» японцам также дорога, как и ботик Петра Великого русским.

Дальше по «Дзи-Дзи». Вот подробное описание бала в германском посольстве в Токио.

Вот о табачной монополии, недавно введенной и давшей в этом году всего 80,000,000 юаней.

А вот фельтона с абзацами на разные темы.

Тут и о погодѣ, и о политикѣ, и о землетрясении.

Оканчивается опять многозначительными словами:

«Весь мир называет макадо Муцухито (т. е. миролюбие)».

«А все же, слушайте вы, министры и весь мир: война будет раньше, чьи захватывают винчи...»

Предсказание фельтониста сбылось.

Винчи еще не зацвѣли, а уж воды Дальнего Востока обагрились...

Затмь идет прочинциальный отъль — корреспонденция отовсюду.

Особенно подробная — из Дальнего, где говорится о тревогѣ населения.

Массу места занимает спорѣтъ вообще, а в особенности борьба.

Затмь, идет театральный отъль.

Большая статья посыпана дѣтской труппой мальчиков в Токио. Авторъ с пѣнной утра старается доказать, что это утверждение слѣдует запретить, что оно позорно, бравурно и ничтѣ в Европѣ не имѣетъ места...

Онъ не зналъ о труппѣ дѣточекъ Чистяковъ.

Затмь извѣщается, что подробная рецензія объ «Отели» Шекспира буде помѣщена в слѣдующемъ номерѣ.

Особенно полно составлена городская хроника вообще и уличная в частности. Ингѣ не разытъ такъ уличная жизнь какъ в Токио. Всѣ живутъ нараспашку. Стѣны частныхъ домовъ раздвигаются на дверь, и дому слизается съ улицей в оранжевое цѣло.

Вонъ почему ингѣ такъ не живутъ сплошной, какъ в Иопонь. И главныя сплетницы — газеты.

Репортеръ долженъ быть виртуозомъ сплетни и съска.

Когда молодой человѣкъ идетъ съ трепетнымъ блескомъ сердца на свиданіе къ своей милой, онъ оглядывается во всѣ стороны, боится, какъ бы его не увидѣлъ репортеръ. Иначе на звѣри въ газетахъ появится: «Родители дѣвушки, живущей въ такомъ-то домѣ, такого-то квартала, такой-то улицы, приглашаютъ посмотретьъ за своей дочери, 23 лѣта отъ рода. Вчера мы замѣтили въ такомъ-то часу вечера краду-щагося молодого человѣка (имя рекъ). Наружность его (идетъ описание наружности и одежды) дѣлаетъ честь вкусу барышни, но она не знаетъ, что этотъ молодой человѣкъ вѣтъ уже второй годъ долженъ 25 юаней господину (имя рекъ), живущему тамъ-то и тамъ-то...»

Отправляясь на добычу, воръ, катержникъ или убийца, не боится никого такъ, какъ репортеръ.

Большинство преступлений репортеры обнаруживаютъ раньше, чьи полиція, не смотря на то, что полиція у насъ образцовая. При отсутствіи паспортной системы они совершаютъ такие чудеса, которыхъ возможны, по мнѣнию иностранцевъ, только при строгой регламентации насеянія. Иностранецъ теряетъ кошелекъ, кольцо, часы (это — работы китайцевъ), а черезъ двѣ три дня полиція доставляетъ похищенное. Найти вора въ полуторамиллионномъ населеніи — мудреная задача. Но все же боль-

шинство убийствъ репортерами раскрывается раньше, чѣмъ сыщиками, и описывается такъ подробно, какъ будто они сами были участниками убийства. Ножами репортеры описываютъ такъ точно, детально, словно они самъ былъ поджигателемъ. Репортеръ ведь списокъ прелюбодеевъ, хронику незаконныхъ дѣтей (отъ такого-то и такой-то, при такихъ-то обстоятельствахъ, тамъ-то), хронику подицьши, скандалы на улицѣ и въ чайныхъ домахъ.

Не успѣть еще затихнуть болѣ отъ синника подъ глазомъ жены, побитой мужемъ, или мужа, побитой женой, а ужъ въ газете онъ попалъ.

Для газеты различія между частной и семейной жизнью не существуетъ. Она пишетъ, что хозяинъ скверно обращается съ прислугой — хозяина судятъ и приговариваютъ къ тюрьмѣ. Она пишетъ, что прислуга обкрадываетъ хозяина, судя по тому, какъ она держалась въ мелочной лавочкѣ... Хозяинъ гонитъ прислугу прочь... Она пишетъ, что такая-то гѣйша оставалась въ чайномъ домѣ до часу ночи, — прѣдаются и гѣйшу, которая позже 12 час. ночи не должна засыпаться, и содержатели чайного дома... Репортеръ знаетъ все, видитъ все... и это за 15 рублей въ мѣсяцъ!..

— Какъ за 15?..

— Макарумъ за 20 юаней!.. Это у насъ вполнѣ приличное вознагражденіе.

Сколько же фельтона истина полу-частъ?

— Рубль 20—25 тоже... И за это онъ обязанъ писать ежедневно!.. Вы видите, что при нашей дешевизнѣ — это большія деньги.

И мы заговорили о той демевизнѣ, которая иностранцу кажется положительною сказочкой.

Все дешево. Втore, гчетверо, въ десять разъ, — рабочіе руки, время, продукты.

Дороги только деньги. Онь въ несколько разъ дороже русскихъ, — за 3 р. 40 к. японецъ на мѣсяцъ снимаетъ цѣльный домикъ съ садомъ; на 1 р. 50 к. онъ съѣтъ цѣльный мѣсяцъ, обѣ окладъ въ 10—15 рублей мечтаютъ, какъ о тепленькомъ мѣстечкѣ...

Японский журналъ.

Въ «Руси» находимъ подробное изложеніе содержанія первого номера японского журнала «Солин» (Асахи) за 1904 годъ.

Первый отдель журнала называется «Хроника». Въ немъ статьи: «Маркизъ Ито и антирусская лига», «Министръ-президент Катчура и антирусская лига», «Слпукъ креисъ Отоава», «Смѣта Японии на 1904 годъ», «Положеніе въ Манчжурии», «Администрація Россіи на Дальнемъ Востокѣ».

Второй отдель — Критика государстvenныхъ дѣятелей».

Полная свобода печати позволяетъ журналистамъ подвергать неумолимо-жестокой и язвительной критикѣ дѣйствій, даже самыхъ высокихъ государственныхъ сановниковъ. Статьи такъ и озаглавиваются: «Критика министра внутреннихъ дѣлъ», «Критика министра народного просвещенія».

Не подлежитъ критикѣ только самъ макадо.

Въ первомъ номерѣ «Солин» помѣщена критика государстvenного управлія Россіи. Нужно сказать, что самыми симпатичными штрихами описано миролюбіе Государа нашего. Наоборотъ, отзыва о нашихъ министрахъ звучатъ односторонностью. Статьи такъ и озаглавиваются: «Критика министра внутреннихъ дѣлъ», «Критика министра народного просвещенія».

Но подлежитъ критикѣ только самъ макадо.

Въ первомъ номерѣ «Солин» помѣщена критика государстvenного управлія Россіи. Нужно сказать, что самыми симпатичными штрихами описано миролюбіе Государа нашего. Наоборотъ, отзыва о нашихъ министрахъ звучатъ односторонностью. Статьи такъ и озаглавиваются: «Критика министра внутреннихъ дѣлъ», «Критика министра народного просвещенія».

Слѣдующий номеръ въ 31 слогѣ.

«Если тебѣ спросятъ, что такое душа японца, отвѣтай: это вишневое дерево, которое подъ лучами восходящаго солнца распускается такъ удивительно пышно, но цѣтаетъ такъ недолго».

Японская вишня — символъ духа Японии. Ея цветы находятся въ гербахъ, гг. шт. шт. мундирахъ военныхъ штатскихъ, на рукавахъ почетныхъ шапокъ. Она славится необычайно пышнымъ цветомъ, но цѣтаетъ только два дня.

3) Стихотвореніе въ 17 слогѣ, где строки чередуются по три (5+5+7).

Такъ переведено «Парусъ» Лермонтова и многие стихи Пушкина.

Девятый отдель — Современная извѣстія. Тутъ интересно обзоръ европейской склонности за 1903 годъ.

Въ высшей степени симпатично читать горючіе строки въ защиту Толстого:

«Великъ Толстой! Онъ, находясь средь искусствъ, порицаетъ его; отрица религию — отговаряетъ ею свою жизнь»...

А другой критикъ пишетъ:

«Наполеонъ говорилъ: „Если ктонибудь будетъ составлять всмѣрную исторію, ему потребуется 4.000 страницъ для менѣ“. Мы же скажемъ: „Если кто-нибудь будетъ составлять исторію всмѣрной литературы, тотъ, по крайней мѣрѣ, 5 страницъ отвѣтитъ Толстому и Гогорьку“...

Десятый отдель — Исторія и географія».

Первая статья «Русская исторія», вторая — «Путешествіе на Формозу».

Однадцатый отдель — Наука и искусство.

Двѣнадцатый отдель — Обзоръ печати...

Въ всякомъ случаѣ, книжка журнала со-ставлена и разнообразна, и интересна, и содер-жательно.

«Солома вспыхиваетъ ярко, но скоро гаснетъ. Такъ и энергія японца».

Второй интервьюируемый — Фукучи, первый издатель газеты, въ европейскомъ смыслѣ этого слова въ Иопонии и первый по времени журналистъ.

Эта газета вышла 33 года тому назадъ и называлась «Синопома», т. е. «Заря». Въ ней 25 лѣтъ тому назадъ Фукучи энергично проводилъ мысль о необходимости для японцевъ вести завоевательную войну не Россіей, а съ Китаемъ.

Фукучи теперь, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ, повторяетъ, что настало время для раздѣла Китая.

Пятый отдель — иностранный корреспондентъ — изъ Перу, Вискона и Германии.

Шестой отдель — «Беллетристика», Здѣсь — романъ изъ жизни артистовъ. Описывается прогаательная судьба сильныхъ гейши, а потомъ актриса Сада-Яко и музыка Каваками, прославившихъ свойей поздѣй заграницу.

Седьмой отдель — «Спортъ». Преобладаютъ шахматы и гонки яхтъ-клубовъ.

Восьмой отдель — «Литературно-театральный фельетонъ». — Во-первыхъ, «История китайской драмы»; во-вторыхъ, статья о японской, «чайной церемонии» (чаноз).

Семнадцатый бѣтъ — «Японцы», сложился очень сѣро, буднично, мѣдленно. Музыки почти нетъ, танцевъ тоже. Несостоительные классы заняты работой, а состоятельный — скучно.

Чтобы чѣмъ-нибудь наполнить скучный день, чтобы развлечься, японцы выдумали себѣ развлеченье въ родѣ нашихъ рене-пензъ, — чайной церемонии».

Затмь, идетъ переводная статья: «Королевъ — Изъ сибирскихъ впечатлій»; воспоминанія о покойномъ романѣстѣ Ко-ю, замѣтительного проповѣдателя Баки — «Пушкинъ японской литературы».

Затмь идутъ стихи.

Японские стихи не знаютъ рифмы. Они состоятъ изъ хоресевъ и бываютъ трехъ словъ, смотря по количеству слоговъ, заключающихся въ строчки.

4) Стихи, «семь и пять», есть семисложная строчка чередующаяся съ пятисложной.

Примѣръ изъ послѣднаго номера «Солнца».

Осенній вечеръ.

А си та ка га ми не.

Му ка и те ва

А в а в а р е а ми

О и та ли на... и т. д.

Стихотвореніе не лишено меланхолическаго, «нѣтъ»:

«Однажды утромъ я сидѣлъ передъ зеркаломъ.

Боже мой! Какъ я постарѣлъ!

Худыми, трясущимися руками хотѣлъ я пригладить волосы, а осенний ветеръ расстѣпалъ ихъ...

И стало холодно... Тоскливо...

2) Самый старинный размѣръ стиха называется «31». Происхожденіе его таково: 2564 года тому назадъ, дата первого макадо японского изрѣка сантенцію, въ кото-рой было «ровно 31 слогъ».

Съ тѣхъ поръ японские поэты упражняются въ томъ, чтобы въ 31 слогѣ изъять душевное, выразить блестящую мысль или дать эффектную игру словъ.

Этотъ 31 слогъ распологается въ пятнадцати китайскихъ строкахъ (5+7+5+7+).

Вътъ наилѣпшее популлярное изъ стихо-твореній въ 31 слогѣ:

„Если тебѣ спросятъ, что такое душа японца, отвѣтай: это вишневое дерево, которое подъ лучами восходящаго солнца распускается такъ удивительно пышно, но цѣтаетъ такъ недолго“.

Японская вишня — символъ духа Японии. Ея цветы находятся въ гербахъ, гг. шт. шт. мундирахъ военныхъ штатскихъ, на рукавахъ почетныхъ шапокъ. Она славится необычайно пышнымъ цветомъ, но цѣтаетъ только два дня.

3) Стихотвореніе въ 17 слогѣ, где строки чередуются по три (5+5+7).

Такъ переведено «Парусъ» Лермонтова и многие стихи Пушкина.

Девятый отдель — Современная извѣстія.

Тутъ интересно обзоръ европейской склонности за 1903 годъ.

Въ высшей степени симпатично читать горючіе строки въ защиту Толстого:

«Великъ Толстой! Онъ, находясь средь искусствъ, порицаетъ его; отрица религию — отговариваетъ ею свою жизнь»...

А другой критикъ пишетъ:

«Наполеонъ говорилъ: „Если кто-нибудь будетъ составлять всмѣрную исторію, ему потребуется 4.000 страницъ для менѣ“. Мы же скажемъ: „Если кто-нибудь будетъ составлять исторію всмѣрной литературы, тотъ, по крайней мѣрѣ, 5 страницъ отвѣтитъ Толстому и Гогорьку“...

Десятый отдель — Исторія и географія».

Первая статья «Русская исторія», вторая — «Путешествіе на Формозу».

Однадцатый отдель — Наука и искусство.

Двѣнадцатый отдель — Обзоръ печати...

Въ всякомъ случаѣ, книжка журнала со-ставлена и разнообразна, и интересна, и содер-жательно.

Г. М. Бейленсонъ.